

КЛЮЧЕВЫЕ ПОНЯТИЯ, ПРИШЕДШИЕ ИЗ РАЗНЫХ ТЕОРИЙ

Обратимся к более глубокому описанию теоретических традиций, лежащих в основе гуманистической социологии. Главная цель главы состоит не в описании самих теорий, а в ознакомлении с определенным теоретическим «видением» социальной реальности и понятиями, пришедшими из этих теорий. С одной стороны, выбирая свою стратегию, необходимо соотнести ее с определенным теоретико-философским дискурсом в соответствующих понятиях и концепциях. Эти концепции как бы направляют общий замысел исследования, предопределяют выбор предмета изучения и те аспекты рассмотрения, о которых мы, возможно, не задумывались прежде. С другой стороны, знание ключевых понятий, пришедших из разных теорий, позволяет исследователю соотнести практические результаты с определенными теориями и интерпретировать их на уровне более высоких научных абстракций.

Теории социального действия

Теории социального действия рассматривают дилемму «общество—человек» с позиции индивидов, понимая последних как творческих, автономных и деятельных субъектов — **агентов** социального действия. Люди не являются «продуктами», или, более того, «жертвами» социального мира, но скорее думающими, чувствующими, действующими субъектами. Придавая определенный смысл и значение как собственному поведению, так и поведению других, они тем самым творчески участвуют в создании мира вокруг себя. Однако внутренний мир сознательного агента сам по себе недоступен научному наблюдению: все, что мы знаем о нем объективно, — это то, что он — центр практик и действий. Изучение активных субъектов социального действия возможно только на основе субъективной информации относительно их *опытов и действий*.

Таковы основные аргументы **теорий социального действия**, которые были заложены в ходе интеллектуальных дебатов в немецкой социологии конца XIX века. В этих дискуссиях важная роль принадлежала классикам социологии Макс Веберу [122] и Георгу Зиммелю [109]. **Действия социальных агентов** они рассматривали как мотивированные, имеющие смысл и ориентированные на других. Такие действия подлежат анализу посредством проникновения в те **смыслы и значения**, которые им придают сами люди, т.е. путем их понимания и интерпретации.

Веберовский подход к способам теоретического анализа действий стал важнейшей методологической основой социологии. В предыдущей главе мы уже пользовались этими терминами: «понять», «интерпретировать» действия. На самом деле это термины введены Вебером как основные дефиниции понимающей социологии, ибо Вебер определял социологию как «науку, которая ориентирована на **интерпретативное понимание** социальных действий и причинное объяснение предпосылок и последствий» [123, с. 4]. А эти причины могут быть обнаружены в *субъективном значении* события для его участников. Задача, таким образом, состоит в том, чтобы понять эти значения. Понять — значит выяснить субъективные значения событий, которые заданы широким культурным контекстом (конкретно — практической моралью), считает Вебер. В дальнейшем, в работах таких исследователей, как Дж. Мид, А. Шюц, этот принцип понимающей социологии становится методологической базой исследования не только типических социокультурных ситуаций, но и индивидуального социального поведения.

Макс Вебер (1864 — 1920)

Вебер широко признан как один из классиков социологии. Он обозначил предмет дисциплины широкой серией своих работ по религии, экономике, политическим отношениям, праву и методологии. Удивительно, что только одна (основная) работа была опубликована при жизни, в 1905 г., — это «*Протестантская этика и дух капитализма*». Его эссе и другие работы были опубликованы уже после смерти автора в 1922 г. на немецком языке в книге «*Экономика и общество*». Работы Вебера отражали

взгляды его отца как купчески-бюрократически ориентированного политического деятеля и аскетически-религиозной матери. Парадоксально, что лучшие из его работ появились после тяжелой психологической драмы, которая случилась в 1897 г. и совпала со смертью отца, что привело к продолжительному психическому расстройству. Работы Вебера представляли собой продолжавшиеся всю жизнь дебаты с гегельянским идеализмом, с одной стороны, и марксистским материализмом — с другой. Вебер был признанным академическим ученым и занимал профессорские посты в университетах Фрайбурга, Гейдельберга и Мюнхена. Он представлял Германию на мирных переговорах в Версале в 1918 г. и принимал участие в подготовке «Веймарской конституции», которая провозгласила демократическую республику в Германии после первой мировой войны. Вебер считал основной задачей социологии понимание смыслов действия, исходя из которых она должна продвигаться к построению моделей и идеальных типов на основе сравнительных исследований. Социологические понятия должны иметь аналитический статус. Он считал, что статистика и социальные обследования представляют собой существенную поддержку для социологического исследования, но тем не менее они должны подвергаться интерпретации и оценке.

Источники: Социологический словарь [1, с. 24—27]. Вотерс М.
Современные социологические теории. [21, с. 18].

Интерпретативное понимание социальных действий происходит, по Веберу, в два этапа. На первом этапе «непосредственно наблюдаемого понимания» происходит простое понимание нормального повседневного опыта: что делает человек, без попыток объяснить его действия. На втором этапе осуществляется «объяснительное понимание» как объяснение *мотивов* человеческих действий — того комплексного субъективного смысла, который вкладывает индивид в свои действия и которые могут быть приняты исследователем в качестве адекватного объяснения происходящего.

Вебер также вводит два типа субъективных значений: значение, которое *сам* деятель придает своим действиям исходя из своего опыта, и типичное значение, которое *исследователь* гипотетически присваивает всем деятелям подобного типа. Рациональное понимание как объяснение происходящего возможно тогда, когда социолог «помещает» данное действие в более широкий контекст типичных действий подобного рода. Естественно, рациональное объяснение не всегда совпадает с реальным. Например, выпускник школы может стремиться в институт потому, что так поступают все выпускники, окончившие средние учебные заведения (рациональное понимание). Но, возможно, у данного выпускника может быть и другой мотив, например желание избежать армии или продолжить состояние учащегося (реальное понимание). В таком случае, считает Вебер, необходимо верифицировать мотивы с реальным образом действий или расширить круг сравнения. Для таких ситуаций Вебер различает «адекватность значения» и «адекватность мотива». Первое характеризует типичное действие, а второе, наоборот, нетипичное, вариативное, частное. Однако Вебер считал, что социология не должна заниматься каждодневными инвариативными действиями, которые не могут быть адекватно объяснены, но только *типичными* действиями, которые поддаются адекватному *рациональному* объяснению и с точки зрения значения, и с точки зрения мотива.

Зиммель подходил к анализу деятельности более психологически и исходя из этого расширил и конкретизировал круг действий, подлежащих социологическому анализу.

Социальное взаимодействие он рассматривал прежде всего как психологический процесс — конкретную ситуацию, в которой участвуют два индивида. Единственно, что существует, считал Зиммель, — это индивиды как человеческие существа, их ситуации и деятельность. Поэтому и существование общества, которое возникает через идеализированный синтез таких взаимодействий, никогда не может быть проанализировано как реальность [80, с. 40].

Понять ситуации и деятельность, по Зиммелю, значит рассмотреть такие ситуации в единстве содержания и формы. Таким образом, он заложил основы идеи, что истоки социальной жизни находятся в головах участников социального взаимодействия, из которых, как пшеница из земли, вырастает все поле социальной жизни. Задача социолога состоит в том, чтобы любое такое взаимодействие подвергнуть социологическому анализу и понять его.

Итак, согласно Зиммелю, внимание концентрируется на микроанализе конкретных взаимодействий (*интеракций*). Он в отличие от Вебера считал, что глобальные социальные теории в социологии невозможны [109]. В своем социологическом анализе Зиммель опирался прежде всего на «*микроосновы*» человеческого опыта, и в первую очередь — его культурную составляющую. Исходя из этого, по мнению Зиммеля, возможно, с одной

стороны, понимание индивидуального, опыта реальной жизни, с другой — видение общества как целого мозаичного полотна, сотканного из множества «фрагментов» [80].

При таком подходе социальные структуры рассматриваются как возникающие из сложного процесса взаимодействий и межличностных коммуникаций, в котором общие «смыслы и значения» обговариваются, устанавливаются и, в определенной мере, разделяются всеми участниками взаимодействия. Например, всем понятно, что означает одно слово «да!», произнесенное в контексте обряда бракосочетания. Оно символически структурирует все действия и имеет одинаковое смысловое значение для всех участников обряда. Из такого видения социальное взаимодействие предстает как обмен жестами и языковыми символами, которые структурируют интеллектуальное взаимодействие в обществе. Эти идеи Зиммеля и были развиты более подробно в теоретических работах в начале XX века.

Георг Зиммель (1858—1918)

Немецкий профессор философии, автор работ по эстетике, эпистемологии, философии истории и социологии. Родился в Берлине, по происхождению еврей. Это объясняет, почему, имея репутацию выдающегося интеллектуала, он был вынужден занимать маргинальное положение в научных кругах. Большинство его постов имело или почетный характер, или приносило непостоянный доход. Он неожиданно получил пост заведующего кафедрой философии в Университете Страсбурга в Эльзасе в 1914 г., но это тоже был только академический статус. Положение Зиммеля как социолога всегда было противоречивым, частично из-за того, что только в середине своей карьеры он всерьез обратился к социологии. Поэтому он больше известен как философ и психолог. Его самые известные книги середины жизни «*Философия денег*» (1900) и сборник эссе «*Социология*», переведенный на английский язык в 1950 г. Он считается основателем *формальной социологии*. Зиммель утверждал, что первичной основой общества является социальное взаимодействие индивидов. Такое взаимодействие имеет два элемента: *содержание*, состоящее из интересов, целей, мотивов, и *форму* взаимодействия индивидов. Их можно свести к нескольким обобщенным типам, которые, постоянно повторяясь, становятся универсальными образцами поведения. На анализе таких форм взаимодействия и должна концентрироваться социология, считал Зиммель. Его социологию часто называют фрагментарной, или импрессионистской, поскольку она не достаточно систематизирована.

Источники: Социологический словарь [1, с. 94—95].

Вотерс М. Современные социологические теории [121, с. 21].

Итак, классические теории социального действия начала века, первично обрисовали круг интересов субъективной или понимающей социологии и методы познания в этой области. Эти теории ввели понятие **интеракций** как формы непосредственного взаимодействия социальных агентов и концентрировались на их микроанализе путем интерпретативного понимания субъективных смыслов и значений, вкладываемых в такое взаимодействие.

Понятия, пришедшие из классических теорий социального действия:

- ☐ Действия социальных агентов
- ☐ Субъективные смыслы и значения
- ☐ Интерпретативное понимание
- ☐ Непосредственно наблюдаемое понимание
- ☐ Объяснительное понимание
- ☐ Интеракции как формы непосредственного взаимодействия социальных деятелей.

Более подробно и обстоятельно отдельные аспекты этого направления в социологии были разработаны в последующих теоретических разработках символического интеракционизма, феноменологии, этнометодологии. Представители этих направлений использовали работы классиков, но развили их и детализировали. Каждое из направлений имеет свою специфику в подходе к анализу социального взаимодействия применительно к индивиду.

Так, **символический интеракционизм** (Дж. Мид [100], Ю. Хабермас [89], Х. Блюмер [59]), взяв за основу взгляды Зиммеля, развил его идею об обществе как построенном на обмене жестами и символами. Это необходимо для обеспечения **коммуникативного взаимодействия**. Человеческое сообщество развивается прежде всего как коммуникативное сообщество (Ю. Хабермас).

Согласно этому подходу, интеракции осуществляются посредством языка, через обмен жестами, символами. Поэтому человеческое поведение как социальное не может быть понято лишь на основе фиксации внешних проявлений. Для его понимания необходимо познание

внутреннего символического смысла, т. е. кода, воплощенного прежде всего в языке, понятном участникам взаимодействия, — раскрытие **значимых символов коммуникативного общения**. Использование коммуникативных символов предполагает, что все участники взаимодействия адекватно понимают этот условный язык и тем самым успешно общаются друг с другом. Благодаря значимым символам люди легче представляют последствия своего поведения с точки зрения других и легче адаптируются к их ожиданиям. Знаменитая теория наклеивания ярлыков или стереотипного восприятия другого берет начало в этих теоретических построениях. Она была сформулирована под влиянием символического интеракционизма в результате исследований Чикагской школы.

Суть ее состоит в том, что девиантное поведение не является таковым само по себе, но есть результат реакции со стороны «других», которые считают определенный тип поведения деви-антным. Общество осуществляет это при помощи языковых символов: наклеивания ярлыков на тех, кто нарушает нормы. Как правило, привилегированные группы (белые, мужчины, старшие по возрасту и статусу) применяют такие ярлыки по отношению к противоположным группам. Ярлык формирует соответствующий статус, отделяя «заклейменных» от основной массы (нормального общества) и изолирует в тюрьмах или сумасшедших домах. В результате наклеивания ярлыков девиантность усугубляется, так как формирует у человека определенный образ самого себя, как бы заключенного в рамки соответствующих ожиданий со стороны других.

Изучение символического общения, поиск общих смыслов и символов коммуникативного процесса может стать предметом самостоятельного интереса исследователя-«качественника» при обращении к проблеме успешности функционирования данного сообщества как культурного феномена.

Джордж Герберт Мид (1863—1931)

Родился в штате Массачусетс, США. Учился в Гарвардском университете, а также в Лейпциге и Берлине, где испытал сильное влияние Вильгельма Вундта. Хотя он никогда не имел ученой степени, преподавал социальную психологию в университете Чикаго с 1892г. до конца жизни. Здесь, в Чикагском университете, через Роберта Парка, бывшего студента Зиммеля, познакомился со взглядами Зиммеля, что оказало сильное влияние на его теоретические воззрения. Не имея формального статуса, Мид не опубликовал ни одной своей книги. Несмотря на это он имел большое влияние, и его лекции были собраны и опубликованы уже после его смерти. Его знаменитая книга *«Разум, самость и общество»* (Mind, Self and Society: From the Standpoint of a Social Behaviorist) была издана в 1934 г. Он считается основателем социально-психологического направления в социологии, которое получило название символический интеракционизм.

Источники: Социологический словарь [1, с. 169]. Вотерс М.

Современные социологические теории [121, с. 23].

Важным теоретическим вкладом символического интеракционизма стала концепция **рефлексирующего индивида** как мыслящего и творческого агента, который ведет постоянный внутренний диалог и переосмысливает значения своего поведения. Вслед за Мидом интеракционисты разделяли два понятия самости: «я» и «меня» (те). «Я» есть думающий и действующий субъект, творец и инициатор. «Меня» есть рефлексирующий по поводу «я», размышляющий по поводу «себя» и «других» в иных ситуациях, иных местах и времени, как реальных, так и воображаемых. Это то зеркало, через которое я смотрю на себя и вижу себя глазами других. Общество влияет на индивида через это пассивное «меня», и, с другой стороны, личность в целом конструируется и реконструируется через активность «я». В процессе внутреннего диалога между «я» и «меня» ожидания общества сталкиваются с индивидуальными чувствами и потребностями.

Гуманистическая социология, и особенно те ее области, которые ориентированы на индивида (история жизни, например), испытывают интерес именно к такому субъекту: рефлексирующему, способному вести внутренний диалог с собой. Поэтому теоретическое представление об этих внутриличностных процессах и является существенно важным для социологической практики.

Понятия, пришедшие из символического интеракционизма:

- Коммуникативное взаимодействие
- Язык как средство социальной коммуникации
- Значимые символы коммуникации

- Рефлексирующий индивид
- Внутренний диалог рефлексирующего индивида между «я» и «меня»

Драматургия социального мира. Особой и очень своеобразной фигурой, примыкающей к течению символического интеракционизма, в современной социологии можно считать Эрвина Гоффмана и его **драматургический подход**. Причислить его к этому направлению позволяет то, что и здесь центральной теоретической концепцией выступает концепция «я», разделяемое им на официальное «я», что соответствует определенной социальной ситуации и роли, и «я» творческое, которое исполняет или играет свою «роль» в драматургическом действе.

Э.Гоффман анализировал ту сторону социальной жизни, которая состоит из ситуативных, кратковременных контактов, другими словами, повседневность. Рассматривая такие контакты (encounters) метафорически, он сравнивал их с театром, где «партии» отдельных участников, возможно, и выглядят одинаково, но разыгрываются с разной степенью исполнительского мастерства.

Эту аналогию и ее составляющие мы уже рассматривали в главе I. Здесь остановимся более подробно на трех аспектах драматургического подхода, которые являются наиболее важными.

Во-первых, считает Гоффман, игра в расчете на зрителя, разыгрывание ролей друг перед другом определяет характер **коммуникации** в современном обществе. Актеры стремятся сыграть свои роли так, чтобы произвести наилучшее впечатление, а затем его сохранить. Например, начальство ждет от нас добросовестной работы, и во время визитов начальства мы старательно создаем впечатление усиленной работы. Этот процесс «создания впечатления» является центральным аргументом драматургического подхода.

Эрвин Гоффман (1922—1982)

Родился в Канаде и учился в Торонто и Чикаго. Позднее получил профессорские должности в Беркли и Пенсильвании. Его часто рассматривают как символического интеракциониста, хотя сам он больше считал себя антропологом. Он хорошо известен своими работами, посвященными повседневности, и особенно повседневности отверженных слоев общества (больные психиатрических лечебниц, заключенные в тюрьмах), а также исследованиями социального взаимодействия. Наиболее известные книги *«Представление себя в повседневной жизни»* (1959), *«Стигма»* (1964), *«Анализ рамок деятельности»* (*Frame Analysis*, 1974). Внес вклад в разработку драматургического подхода к анализу социальных явлений и исследование социального взаимодействия в социологии повседневности (ситуативные контакты, собрания и малые группы, ритуалы).

Источники: Социологический словарь [1, с. 53]. Вотерс М. Современные социологические теории [121, с. 27].

Во-вторых, драматургический подход существенно расширил представление о палитре средств, используемых участниками коммуникативного процесса: от сугубо лингвистической коммуникации (которая была центральным конструктом у предыдущих теоретиков) до включения в нее **языка тела, жестов, внешнего вида** (возраст, пол, раса, одежда, форма подачи себя), создание предметной среды, определение места действия и т. д. Все это человек использует для того, чтобы контролировать ситуацию и создавать видимость «хорошей игры» (даже если она не складывается). По драматургической терминологии, это создание «переднего плана» сценического действия, в котором важную роль играют три компонента: создание окружения (мебель, декор, например, полки с книгами и компьютер — в случае академической среды); внешний вид, который информирует о статусе; манеры, которые являются сигналами, определяющими в каком тоне надо вести разговор (например, интимном или официальном).

В-третьих, там, где есть «передний план», там есть и представление «за кулисами», где люди расслабляются, снимают свои маски и ведут себя естественно. Гоффман описывает ресторан, где официанты галантно подают кушания, но на кухне их поведение и «подача себя» совсем другие. Их поведение меняется, как только они пересекают границы одного пространства и попадают в другое [87].

В современном обществе человеку приходится исполнять множество ролей, меняя одежды, маски для разных ситуаций и взаимодействий. Более того, официальные и «исполняемые» роли часто приходят в противоречие друг с другом. «Я»-творческое

стремится сбросить маску «я»-официального и постоянно с переменным успехом протестует против запрета на свободу самовыражения.

Важным аспектом драматургического подхода служит так называемый анализ жизненного опыта в определенных **«рамках»** (frame analysis) или «драматургическая перспектива» при исследовании деятельности. Э. Гоффман полагал, что любая деятельность (а соответственно и весь жизненный опыт реальных людей) должна быть рассмотрена с точки зрения определенной перспективы, угла зрения или «фокуса камеры», посредством которой ее рассматривают [26].

Каждая из перспектив обладает определенной организацией и своей иерархией, на каждом уровне имеются свои рамки, ограничивающие рассмотрение, и особые субъективные смыслы. Упрощенный пример: наш учебник находится в рамках «качественной социологии» и может быть рассмотрен в данной перспективе и ограничениях; он содержит рамку—«социология Гоффмана», которая в свою очередь имеет рамку «драматургия повседневности», и т. д.

«Рамка», или ограниченная перспектива восприятия ситуации, является основой структурирования множественных миров нашей жизнедеятельности и необходимым условием конструирования жизненного опыта. Выяснение «рамок» субъективного смысла, значения определенной ситуации в глазах действующего лица может быть отдельной исследовательской задачей. При этом, говоря словами Гоффмана, он концентрируется не на том, *что* фиксирует камера, а *какова* та камера, которая фотографирует действительность [26].

Понятия, пришедшие из драматургической социологии:

- Разведение социальной роли и ее исполнения
- Формы самопрезентации (формы «подачи себя»)
- Язык тела, жестов, внешнего вида как символической основы межличностной коммуникации
- Представление «на сцене» и «за кулисами»
- Рамки, или перспективы анализа.

Феноменологическая традиция восходит к философии М. Вебера, но больше к Э. Гуссерлю и А. Бергсону. В основном она обращается к сфере **повседневной жизни** людей. Это социология повседневности, изучающая смыслы и значения человеческого поведения применительно к повседневной практике и конструированию жизненного мира индивида.

Исходный постулат ее таков: социальные науки должны исследовать **жизненные опыты** и связанные с ними состояния сознания: процесс восприятия индивидом социальной реальности, смыслы и значения, который он придает этой реальности.

Исследователи обращаются к анализу жизненного опыта и поиску его общего универсального смысла. Жизненный опыт понимается как фактически прожитый, конструкция сознания, вобравшая в себя опыт как память, воображение и его значение без разделения на объективный и субъективный. Реальность может существовать как видимая, слышимая, ощущаемая. Люди придают ей определенный смысл, мысленно расщепляя и соотнося с определенными обобщенными категориями, и тогда они становятся **феноменами**, как, например, «машина», «рынок».

Феноменологов интересует сам *процесс* формирования феноменов: каким образом люди категоризируют социальную реальность и придают определенные значения и смыслы социальным явлениям, как вырабатываются общие смыслы и значения, и в какой степени они разделяются другими участниками взаимодействия.

В процессе познания значений индивидуального опыта исследователь отвергает все теоретические постулаты и предыдущий собственный опыт для открытого наблюдения за реальностью. При этом он основывается на интуиции, воображении и универсальном видении объекта (возвращение к натуральному языку науки времен Древней Греции).

Наиболее сильное влияние на развитие феноменологического подхода в социологии оказал **Альфред Шюц**.

Родился в Вене, там же закончил университет. В 1939 г. эмигрировал в США, где позже, в 1943 г., получил должность в Новой школе социальных исследований. Большую часть жизни, до 1952 г., не имел стабильной научной должности и сочетал академическую деятельность с банковской службой. Его основная работа *«Феноменология социального мира»* была опубликована в 1932 г., однако ее английский перевод был издан только в 1967 г. В 1974 г. уже посмертно была издана его работа *«Структуры жизненного мира»* (Schutz A. Luckmann T., 1974). Шюц ставил перед собой три задачи: построение адекватной теории социального действия, основанной отчасти на критике М.Вебера; исследование организации жизненного мира; решение проблемы научного метода, направленного на познание повседневности.

Источники: Социологический словарь [1, с. 360], Вотерс М. Современные социологические теории [121, с.32].

Анализируя вслед за Вебером проблему значения, Шюц отвергает веберовское понимание его как *непосредственного* мотива действия. По словам А. Шюца, поступками человека управляют не непосредственные мотивы, но его *«жизненный мир»* в целом, как результат всего предыдущего опыта [47]. Поэтому для выяснения адекватности предполагаемых смыслов действия их надо расположить не в рамках типичного комплекса значений, как это предлагал Вебер, а в потоке прожитого жизненного опыта данного индивида [48]. Отрефлексированный взгляд человека на данный поведенческий акт, в котором как в линзе преломляется весь его прожитый опыт, и делает его значимым в глазах субъекта. Деятель как бы располагает данное действие в общем временном потоке своей жизнедеятельности и тем самым определяет его значимость. Что придает действию ту или иную значимость? То, что человек постоянно категоризирует свой опыт в отдельные проекты и может отнести конкретное действие к тому или иному проекту своей жизненной активности. Такие проекты, как, например, «получение образования», придают определенный смысл конкретному действию «временное пребывание в библиотеке». Но если вставить это же действие в проект «выйти замуж», оно приобретет и совсем иной личностный смысл.

Теория жизненного мира: А. Шюц идет еще дальше: каждое действие должно рассматриваться в контексте всей *«биографически определенной ситуации»* субъекта, всего временного потока осознания им, с одной стороны, своего прошлого жизненного опыта и, с другой — в связи с будущим. Это и переживается в обыденном сознании как мотив.

С точки зрения деятеля, мотивы делятся на те, которые предшествуют действию, как бы исходя из прошлого опыта (мотивы «потому-что»), и те, которые проецируются на представление о будущем в результате совершенного действия (мотивы «для-того-чтобы»). Таким образом и возникает, по Шюцу, субъективное значение как понимание данного контекста действия в общей биографически-определенной ситуации.

Понимание мотивов другого человека становится, по Шюцу, основой первичного непосредственного социального контакта с «другим» или с «другими», базисом социально-культурного мира. По мере расширения контактов: от непосредственных до абстрактных (от соплеменников до современников) восприятие их мотивов типизируется, а мера специфичности понимания мотивов снижается. «Другие» теперь существуют для нас как сконструированные идеальные типы. Наши личные мотивы по отношению к ним тоже типизируются. Тем не менее эти типологизированные образы (включая предельно абстрактные типы предшественников, современников, последователей) и конструируют в целом наш *«жизненный мир»*.

Повседневная жизнь, или повседневность, понимается Шюцом как один из многообразных миров социального опыта в донаучном мышлении. Он отличается тем, что воспринимается индивидом как «поле самоочевидного, не подвергающегося сомнению опыта» [48, с. 536], где окружающие объекты воспринимаются в их обыденно-типизированном виде [22].

Шюц задается вопросом, как люди, принадлежащие к другой «конечной области значения» — науке, могут понять и описать мир повседневности. Его ответ таков: исследователь наблюдает определенные факты и события социальной реальности, относящиеся к человеческому поведению, и конструирует *типические модели поведения*, включая мотивы, цели, личностные позиции — вариативные типы субъективного опыта для данной социальной ситуации [48, с. 538].

Затем он строит *«конструкции конструкций»*. Это научные представления о типичных моделях поведения в реальной жизни; они надстраиваются над конструкциями первого уровня и поэтому называются «конструкции второго уровня». Это верифицированные по всем процедурным правилам идеально-типические конструкции, которые содержат гипотезы

и могут быть проверены. Иными словами, исследователь упорядочивает типические модели и на их основе конструирует некие *идеальные модели типического деятеля*, приписывая им ряд типичных идей, намерений, целей. Такова, например, «модель производителя, действующего в условиях свободной конкуренции», или другая модель: «производитель, действующий в условиях монопольных ограничений».

Такие воображаемые типы («марионетки») взаимодействуют с другими, подобным же образом сконструированными марионетками. Их взаимодействия могут быть исследованы как идеальные «модели интеракций». Подобными идеальными конструкциями социолог населяет свою модель социального мира.

Все их мотивы, цели и роли распределены в этом мире как научные проблемы, которые могут быть изучены, основываясь на принципах логической последовательности и адекватности. Они не могут быть сконструированы произвольно, а должны быть проверены и верифицированы. Выполнение требования логической последовательности гарантирует объективную научность идеальных объектов, а выполнение требования адекватности гарантирует их совместимость с повседневной жизнью — их узнаваемость на уровне обыденного сознания. [48, с. 540].

Отсюда следует, что «постулат субъективной интерпретации в социальных науках» не противоречит научным требованиям объективного знания, считает А.Шюц [47, с. 130]. Постулат о *субъективной интерпретации* в социологии только и означает, что все объяснения социального мира имеют своей составляющей субъективный аспект деятельности людей, из которых и берет начало социальная реальность [48, с. 538].

Научное познание должно быть направлено на то, чтобы понять как конструируется мир повседневности и его субъективные смыслы.

Понятия феноменологической социологии А. Шюца:

- Повседневность
- Познание социальных феноменов
- Универсальный смысл жизненного опыта
- Теория жизненного мира
- Типические модели поведения
- Конструирование идеальных моделей типического деятеля.

Типизация социального мира. В поисках ответа на вопрос, как из индивидуального начала образуются социальные структуры, феноменологи Бергер и Лукман выделяют первоначально три составляющих: субъект, наделенный субъективными смыслами, понятия «мы-группа» и «они-группа».

Как происходит процесс конструирования социальной реальности?

Привнося в каждую социальную ситуацию свои мотивы и модели поведения, субъекты привыкают к определенному виду действия (габитуализируют его), предполагая, что такой способ действий одобряется другими (П. Бергер и Т. Лукман [9]). Они начинают применять по отношению к таким ситуациям типические мотивы и способы действия. Это придает способу действия в первичной «мы-группе» регулярный и повторяющийся характер, формирует модели поведения в рамках «мы-группы».

Но для того, чтобы стать достоянием других и постепенно институализировать определенные модели поведения, должны появиться «другие» («они-группа», третья сторона взаимодействия). В их глазах такие типичные модели поведения ассоциируются с определенным статусом того, кто их демонстрирует. Первичный социальный мир институализируется, становится достоянием других. Характеристики этих «других» социально и исторически обусловлены, поэтому они являются объективной составляющей, конструирующей социальную реальность. Как правило, такая типификация происходит в результате коммуникативного общения или в процессе социализации.

Например, если мужчина и женщина встречаются на необитаемом острове, они сами строят свои отношения, наделяя их субъективным смыслом. Однако их дети рождаются в мире, созданном их родителями: для них это нечто данное, закрепленное за ролями матери и отца. Это преобразует первичные отношения мужчины и женщины в отношения семейных

ролей и ограничивает их социальным контролем со стороны детей. Так внутренний мир субъектов становится достоянием «других», он институционализируется, объективируется.

Понятия теории типизации социального мира:

- Конструирование социальной реальности
- Типизации социального действия
- Институализация социального мира
- «Мы-группа» и «они-группа».

Этнометодология (дословно: методы людей)¹ опирается на исследование смыслов (значений) поведения путем эмпирического наблюдения за рутинной каждодневной практикой людей. В рамках этого подхода обычные люди рассматриваются как эксперты, более компетентные в области собственного повседневного опыта, чем кто-либо, включая профессиональных социологов. Данный подход к анализу называют также фольклорной социологией.

Отталкиваясь от воззрений А. Шюца о науке и повседневности, этнометодологи считают, что язык повествований о повседневности адекватно не переводим на язык рациональной науки. Поэтому социологу-практику для анализа повседневного опыта необходимо опираться не на специальные знания, а больше на здравый смысл, собственный опыт и категории обыденного знания.

Предметом непосредственного анализа считается, как и у Шюца, «рефлексирующий индивид». Однако, если Шюц методологически обосновывал перевод повседневности на язык науки, этнометодологи предлагают, образно говоря, перейти на язык повседневности: рассматривать текстовые источники как первичные и самоценные документы, которые должны анализироваться в их целостности без какого-либо вмешательства исследователя в текст — как не прерываемое искусственными способами естественное течение жизни повседневности.

В исследовании повседневности Г. Гарфинкель предложил два новых подхода. Первый — *анализ разговоров*, или *конверсационный анализ*, — предполагает исследование способов организации разговорного общения в разных средах и выделяет такие составляющие, как *индексность разговора* (indexical expressions — т. е. ситуативные смыслы, нюансы значений, придаваемые речевым конструктам в зависимости от контекста высказывания), а также *процесс интерпретации* как работа участников общения по расшифровке этих смыслов.

Особое внимание Г. Гарфинкель уделяет *непроговоренным, подразумеваемым и умолчанным* аспектам социального взаимодействия. Отсюда его второй подход — использование *провокационной стратегии*. Она базируется на прерывании привычных форм взаимодействия для выяснения социального порядка, по поводу которого участники общения обычно не рефлексируют.

Г. Гарфинкель так излагает суть своей исследовательской стратегии:

«Я предпочитаю начать исследование со знакомства с обычными ситуациями протекания процесса и посмотреть, что можно сделать, чтобы нарушить его. Какие действия надо совершить, чтобы нарушить заведенный автоматический ход вещей в данном окружении; чтобы внести смятение; чтобы произвести социально спровоцированный эффект волнения, стыда, вины или раскаяния; чтобы начались дезорганизованные взаимодействия, которые бы рассказали нам что-то о том, как организованы и воспроизводятся структуры повседневной деятельности в обычном порядке, в процессе каждодневной рутины» [81, с. 37—38].

Реализуя такую провокационную стратегию, Г. Гарфинкель поставил со своими студентами эксперимент. Он просил студентов по приходу домой вести себя с родителями так, словно они являются квартирантами в собственном доме. Реакция была драматичной: сначала недоуменной, а потом враждебной. Привычный порядок взаимодействия был нарушен, что привело к потере общего подтекста разговора и утрате взаимопонимания.

В качестве примеров можно назвать и другие исследовательские ситуации: исследователи пытались переплатить за покупку в магазине; становились работниками социальной службы, которые на все вопросы своих клиентов отвечали только однозначное «да» или «нет». Несмотря на некоторую неэтичность, эти эксперименты дали важные результаты в раскрытии внутреннего порядка функционирования организаций [81].

Понятия этнометодологии:

¹ Термин пришел из этнологии, откуда заимствуется прием изучения примитивных этносов, язык и культура которых неизвестны, так как нет письменности, священных книг, поэтому их надо изучать особым способом.

- Язык повседневности
- Конверсационный анализ (анализ разговоров)
- Непроговоренные аспекты коммуникации
- Провокационная стратегия исследования.

Выводы:

- ❑ Описанные выше теоретические подходы выносят рассмотрение социальных структур (организаций, систем) за рамки своего интереса. Они концентрируются на другом полюсе социального взаимодействия — на индивиде и его субъективном мире — единственной реальности для теоретиков социального действия.
- ❑ Основопологающие аргументы такого подхода заложены в теориях Вебера и Зиммеля. Вебер сформулировал, что в фокусе субъективной социологии находятся мотивированные действия социальных агентов, которые могут быть поняты и интерпретированы путем проникновения в их субъективные смыслы. Однако такое понимание относилось у Вебера только к рациональным действиям, ориентированным на достижение определенных практических целей. Зиммель расширил и конкретизировал круг действий, подлежащих социологическому анализу, включив все формы непосредственного взаимодействия индивидов (интеракции). Задача социолога состоит в том, чтобы изучать такие ситуации в единстве формы и содержания и понять их.
- ❑ Символический интеракционизм, рассматривая социальное взаимодействие прежде всего как коммуникативный процесс, развил концепции языка, жестов, символов как основного поля для социологического анализа социального взаимодействия. Познавательный процесс с этой точки зрения состоит в раскрытии общих значимых символов коммуникативного процесса путем анализа языка, жестов, других символов, которыми оперируют рефлексивные индивиды.
- ❑ Драматургический подход существенно расширил понятие коммуникативного процесса, введя в него помимо лингвистических средств дополнительный набор
- ❑ средств «презентации себя», используемых участниками взаимодействия (внешний вид, манеры, создание окружения, и т. д.) и тем самым подлежащих анализу. С точки зрения познавательного процесса, важным является введение понятия «рамки», или ограниченной перспективы рассмотрения, для адекватного понимания субъективных смыслов в конкретных ситуациях.
- ❑ Феноменологическая традиция и теоретические разработки А. Шюца позволили включить в поле социологического исследования повседневную жизнь и предшествующий опыт людей. Его понимание мотива как рефлексивного взгляда, основанного на всей биографически-определенной ситуации субъектов, и представление о жизненном мире включили в сферу социологического анализа индивидуальную жизнь как временную протяженность. Познавательная функция социологического знания, по мнению Шюца, состоит в интерпретации жизненного мира, поскольку только применяя такое видение и типификацию можно быть уверенными, что понимаем мотивы. Другая задача состоит в построении на основе социальной реальности идеальных моделей типического актора и типичных моделей социального взаимодействия.
- ❑ Последователи Шюца Бергер и Лукман, Гарфинкель развили его аргументы относительно повседневности, но в разных направлениях. Бергер и Лукман сфокусировались на процессе перехода от повседневности к сконструированному социальному миру. Гарфинкель же повседневность сделал центральным самодостаточным объектом рассмотрения и изучения, считая, что повседневность не подвластна познанию на основе рациональных выкладок научного знания, и предлагал перейти с языка научных концепций на обыденный язык для ее адекватного познания.
- ❑ Итак, концепции и подходы, существующие в рамках теоретической социологии, позволяют сформулировать основные познавательные функции качественной социологии. Качественная социология — это микросоциология, направленная на познание субъективных значений человеческого поведения путем анализа

конкретных ситуаций социального взаимодействия, ограниченных определенными рамками; она ориентирована преимущественно на коммуникативный аспект такого взаимодействия в процессе повседневного общения и рассматривает ситуации прежде всего с точки зрения самих участников общения. Анализируя интерактивную информацию (слова, жесты, разговорные символы), социолог осмысливает и интерпретирует особые формы локального социального существования людей; он обобщает свои наблюдения и переводит их на язык научных терминов для теоретической интерпретации общего социального смысла и механизмов функционирования данного аспекта социальной реальности.

Существуют разные теоретические подходы, которые акцентируют внимание на отдельных аспектах качественного исследования. При выборе своей теоретической ориентации социолог должен использовать концепции и терминологию, существующую в рамках данного подхода.

О тесной связи практики качественных исследований с теоретическими традициями субъективной или гуманистической социологии свидетельствует история отдельных научных школ.

Становление качественной парадигмы закономерно связывают прежде всего с Чикагской школой 20—30-х годов и именами У. Томаса и Ф. Знанецкого. В действительности эта школа представлена более широким кругом имен и интересов.

Чикагская школа 20—30-х годов. Чикагский университет в период между двумя мировыми войнами занимал ведущее положение в американской социологии и воспитал большое количество студентов, впоследствии ставших значимыми фигурами. Активной деятельности университета способствовало, с одной стороны, теоретическое влияние символического интеракционизма и гуманистической мысли, с другой — напряженная социальная ситуация самого Чикаго: быстро растущего города с рядом острых социальных проблем (миграция, приток переселенцев из других городов), требовавших нестандартных научных решений.

По словам Р. Парка, город был социальной лабораторией для применения новых методов и аспектов анализа. Предметом детального изучения стали различные территории города и отдельные группировки: районы пригорода, притоны, негритянские семьи, еврейские гетто, эмигрантские сообщества. Эти исследования первоначально относили к этнографической традиции. Однако интеракционистская ориентация социологов постепенно скорректировала их интересы в сторону проблем конструирования идентичностей, изучения социального взаимодействия, образа «я» своими глазами и с точки зрения других. Такой интерес подкреплялся также теоретическими работами самих представителей Чикагской школы: У. Томаса, Дж. Мида, Р. Парка, Х. Беккера.

По более позднему высказыванию Ф. Знанецкого, основным направлением практической деятельности Чикагской школы того времени можно считать построение моделей успешного поведения [4, с.53]. Они рассматривались на примере успешности адаптационного поведения мигрантов: как соотношение инновационного и традиционного аспектов деятельности; как проблемы маргинального поведения и т. д. Фокусом интереса исследователей были прежде всего взаимоотношения в группе, индивидуальное и групповое. Поэтому для их изучения использовались преимущественно качественные методы.

Характерным было рассмотрение проблем в рамках пространственных и временных ограничений (экосис-темное исследование города Роберта Парка [4, с.71] или исследование психологии кризисного сознания), что также является чертой качественного метода.

Под руководством Р. Парка и Э. Берджеса на социологическом факультете в течение ряда лет издавались книги по методике изучения истории жизни, использованию дневников и писем (1923—1925), а также материалы научных дискуссий по методике интервьюирования (Э. Богардус, 1926 [61]).

О технике кейс-стади Э. Берджес писал, что этот метод для социологии имеет ту же ценность, что и микроскоп для биологии [63]. Позднее он отмечал, что не видит противоречия между применением статистики и кейс-стади в социологическом исследовании, считая, что оба метода должны иметь равное признание и быть равноправными средствами исследования для каждого социолога [70]. Он подтверждал это

высказывание своей практикой, применяя оба подхода в своих проектах по семье, включавшем 1000 семейных пар.

Схема 2

Основные американские публикации 20-40 гг. о качественных исследованиях²

1920 г. Чапин Ф.С. Полевые работы и социальное исследование. Chapin F.S. Field Work and Social Research.	Рассматривает основные типы полевого исследования (кейс-стади выборочное исследование и статистику), одна глава посвящена кейс-стади.
1926 г. Богардус Э.С. Новое социальное исследование. Bogardus E.S. The New Social Research.	Важный учебник по личным документам: обсуждаются проблемы личных дневников, писем, личного опыта; две главы обсуждают проблемы истории жизни и примеры их использования в работах Р. Парка.
1928 г. Палмер В.М. Полевые исследования в социологии: рабочая книга для студентов. Palmer V.M. Field Studies in Sociology: A Student's Manual.	Ранний чикагский учебник; рассматривает кейс-стади как основной метод и обсуждает его на протяжении всей книги.
1929 г. Ландберг Дж.А. Социальное исследование. G. A. Lundberg. Social Research.	В основном позитивистское издание. Содержит критику документов жизни; посвящает этому целую главу и противопоставляет статистическим методам.
1929 г. Смит Т.В., Уайт Л.Д. (ред.) Чикаго: Экспериментальное исследование в социальных науках. Smith T. V., White L. D. Chicago: An Experiment in Social Science Research.	Исследование традиций Чикагской школы 1923—1928 г.г. с описанием областей интереса и списком всех опубликованных работ. Относительно мало места отводится использованию личных документов.
1930 г. Кули Ч. Социологическая теория и социальное исследование. Cooley Ch. Sociological Theory and Social Research.	Коллекция статей, две из которых посвящены «исследованиям жизни».
1934 г. Знанецкий Ф. Метод социологии. Znaniecki F. The Method of Sociology.	Забытая классическая работа. В гл. 4 он рассматривает основные источники социологических данных; уделяет внимание проблеме личного опыта исследователя в процессе наблюдения. Анализирует разные виды личных документов, за основной принимая автобиографию.
1939 г. Янг П.В. Научные социальные обследования и исследовательская техника. Young P.V. Scientific Social Survey and Research.	Это первое издание учебника, которое стало главным для социальных наук на десятилетия. Содержит полное признание ведущей роли Томаса и Знанецкого в становлении качественного метода и главу о кейс-стади.

Следуя призыву своих лидеров «покинуть кабинеты и выйти в поле», в этот период в Чикагском университете проводится ряд крупных исследований [105].

В области криминологии Клиффорд Шоу обсуждает проблемы кейс-стади (К.Шоу, 1927 [107]) и собирает вместе с Берджесом ряд историй жизни для своей известнейшей трилогии о Джеке Роллере: (The Jack Roller, 1966), «Естественная история карьеры преступника» (The Natural History of a Delinquent Career, 1931), «Братья-преступники» (Brothers in Crime, 1938) [108].

Многие издания Чикагского университета того времени построены на использовании личных документов: «Профессиональный вор» Э.Сатерленда (1927) [115] и «Самоубийство» Кэвена (1928) [67] построено на дневниках. Проект «Банда» Трашера (1926) использует фотографии, Зорбах в своем исследовании «Золотой берег и Slum» опирается на дневники наблюдения и т. д. [105, с. 42—44].

Один из студентов Э. Берджеса вспоминает, что Берджес начинал преподавание курса с задания написать небольшое эссе: почему вы выбрали криминологию, почему заинтересовались проблемами семьи. Затем надо было сделать небольшое исследование— «Один день моей семьи», используя материал о своей собственной семье [66].

В неопубликованных материалах исследовательницы Дж. Платт содержится еще одно любопытное и показательное свидетельство ориентации Чикагского университета того времени. По воспоминаниям одного из

² Таблица взята из книги К. Пламера [105].

бывших студентов, в те времена, когда он был аспирантом, в ежегодных соревнованиях по бейсболу были представлены две команды: сторонники кейс-стади и сторонники статистических методов [105, с. 45].

Методологический вклад Чикагской школы в развитие качественных исследований состоял в развитии трех основных представлений:

- Представление о жизни как конкретном опыте, полном субъективных переживаний и противоречий; как жизни, имеющей конкретное тело и душу; жизни, основным наполнением которой является разрешение проблем.
- Реалистическое представление о течении индивидуальной жизни: не как о статической, единомоментной, а протяженной во времени, имеющей начало и конец, представление о жизни как потоке — то, что называется «потоком жизни».
- Понимание жизни маргиналов и отверженных как частного опыта, отличающегося от одобряемого и общепринятого; их голоса обычно не могут быть услышаны при использовании массовых статистических процедур.

Впоследствии, в 40-е годы, Чикагская школа распалась. Частично из-за того, что была подвергнута критике со стороны позитивизма, частично из-за того, что многие ее теоретики ушли со сцены.

Другим влиятельным центром формирования качественной методологии стала Франкфуртская школа в лице таких ее представителей, как Т. А. Адорно, Э. Фромм, А. Маслоу, Г. Маркузе и другие. Почти все ее представители были евреями, в годы нацистской Германии оказались в изгнании и работали в США. Институт социальных исследований вернулся во Франкфурт в 1949 году. В Америке представители Франкфуртской школы занимались эмпирическими исследованиями расизма и социальных предубеждений, результатом чего стала публикация «Авторитарной личности» Т. Адорно, изданная в 1950 году [1, с. 348].

Основные интересы исследователей заключались в критике позитивизма, развитии эпистемологии, идей психоанализа З. Фрейда и анализе культурных явлений. Главная их заслуга в области качественной методологии состояла в объединении психоаналитического и социально-психологического подхода. На практике это проявлялось как использование кейс-стади, проективных методов, метода клинического интервью в сочетании со стандартизированными методиками и использованием шкал.

Эмпирические проекты («Исследование авторитета семьи» и «Бегство от свободы» Э. Фромма, «Авторитарная личность» П. Адорно) стали исходным пунктом для построения концепций авторитарности и доминирования.

В последующие годы качественная социология подверглась активной критике со стороны позитивистов, что привело к ее постепенному вытеснению как направления в социологии. Многие исследователи того периода предпочитали точную операционализацию понятий и подчеркивали значимость количественных данных и их технической обработки для познания социальных явлений и проблем социальной структуры.

Возрождение качественных методов началось в конце 60-х годов и связывается с возросшей гуманистической ориентацией общественной жизни после знаменитой молодежной революции 60-х и приходом нового поколения исследователей.

В настоящее время качественная ориентация в социологии превратилась в широкое международное движение и распространена во многих странах мира.

В Англии, например, центр ее развития связан с именем университета Эссекс и главой факультета социологии Полом Томпсоном, который будучи историком по образованию, в настоящее время активно работает также в области социологии. Сфера его интересов — проблемы семьи и трансмиссии семейного капитала; социальной мобильности; распад традиционных сообществ [43, 57].

Во Франции активно работает Даниель Берто, который совместно с Полом Томпсоном провел многолетнее межкультурное исследование во Франции и Англии по проблемам индивидуальной и семейной социальной мобильности [10, 57]. Там же проводятся исследования по трансмиссии семейного капитала в семьях (И. Виам-Берто [10], А. Мюссель и другие).

В США наиболее известным центром качественной методологии стал Колумбийский университет (Нью-Йорк). В архиве отделения устной истории содержится 20000 единиц хранения человеческих документов простых и выдающихся людей Америки, рассказывающих о своем жизненном пути и социальной истории Соединенных Штатов [76].

Богатые традиции в развитии психоаналитического направления в Германии. Они развиваются и сейчас в рамках двух основных центров: Франкфуртского университета им. Гете и Берлинского технологического университета. Тематика их исследований в основном связана с отдаленными последствиями нацистского прошлого в памяти людей и их сегодняшней жизни, а также с методологическими проблемами качественной парадигмы в ситуации постмодернистского общества [78, 94].

В России качественная методология начала активно развиваться с начала 90-х годов на волне общего поворота к гуманизации общественных наук и изучению «человеческого измерения» общественной жизни. Практические исследования по технике истории жизни начаты в Институте социологии РАН в 1990 году М. Малышевой, Е. Ме-щеркиной и В. Семеновой в рамках российско-французского проекта «Век социальной мобильности в России» (руководители Д. Берто (Франция) и В. Семенова).

В настоящее время существует несколько научных центров, которые ведут наиболее активную исследовательскую и издательскую деятельность в этой области: Московский тендерный центр (М. Малышева, В. Константинова, Т. Клименкова) [30], Институт социологии РАН (Е. Мегаеркина, В. Семенова) [6,38], Центр независимых социологических исследований в Санкт-Петербурге (В. Воронков, Е. Здравомыслова) [11].

Выводы:

- ❑ Как продолжение теоретического обсуждения проблем качественного метода, начатого в предыдущих параграфах, данный раздел наглядно демонстрирует тесную связь между теоретической позицией исследователя и его практической деятельностью, характерную для данной методологии.
- ❑ Опыт Чикагской школы, а также других научных школ демонстрирует, что развитие гуманистической социологии как теоретической традиции неотделимо от практики: нестандартные социальные проблемы, требующие поискового подхода, стимулируют развитие теоретических школ, а практика обогащается за счет расширения набора методов.
- ❑ Поэтому знание теоретических конструкций и понятий необходимо каждому социологу, который собирается работать в этой традиции.

Вопросы для обсуждения:

- Почему, на Ваш взгляд, теории символического интеракционизма становятся все более популярными в последние десятилетия?
- Как согласно теориям символического интеракционизма и феноменологии мир субъективного становится социальной реальностью?
- Какие теоретические положения являются, на Ваш взгляд, наиболее значимыми для практики проведения качественного исследования?
- В чем Вы видите связь между конкретной социально-исторической ситуацией и всплеском или затуханием интереса к данной методологии? (Пример Чикагской школы, Франкфуртской школы и сегодняшняя ситуация в России.)

Рекомендуемая литература:

О понимающей социологии: *Ионин Л.* Понимающая социология. Исторический и критический анализ.

О символическом интеракционизме: *Бергер П., Лукман Г.* Социальное конструирование реальности; *Кравченко Е.* Эрвин Гоффман. Социология лицедейства.

О феноменологии и социологии повседневности: *Шюц А.* Структура повседневного мышления; *Шюц А.* Формирование понятия и теории в общественных науках; *Ионин Л.* К

антропологии повседневности; *Ярская—Смирнова Е.* Социокультурный анализ нетипичности.

О традициях Чикагской школы: *Томас У., Знанецкий Ф.* Методологические заметки; *Барзгова У.* Американская традиция: история и современность.